

АКРОБАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ С КОПЬЕМ: ДЕМОНСТРАЦИЯ ЛОВКОСТИ И СИЛЫ КАК ИНДИКАТОР ГЕНДЕРНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПРЕВОСХОДСТВА В ИРЛАНДСКИХ САГАХ

Ключевые слова: ирландские саги, уладский цикл, Кухулин, маскулинность, ирландские воины.

Аннотация: Статья рассматривает сюжетную и орнаментальную роль «приемов ловкости» в ирландских сагах на примере Уладского цикла, в частности — «Похищения Быка из Куальнге». Изучаются приемы Кухулина, одного из центральных персонажей цикла, в социальном и гендерном контексте. Последовательно рассматриваются сами приемы и контексты их применения. Основной целью статьи является исследование корреляции социального положения персонажа и его гендерной (в данном случае — маскулинная) реализации с воинской доблестью, выражаемой также в успешном и результативном исполнении особых боевых приемов. Персонаж Кухулина рассматривается через несколько призм-характеристик личности: через его сверхъестественное и знатное происхождение, через его восприятие обществом как славного воина и безбородого юноши одновременно, а также — через его гейсы и сексуальную активность.

Для цитирования: Михайлова П.Д. Акробатические этюды с копьем: демонстрация ловкости и силы как индикатор гендерного и социального превосходства в ирландских сагах // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 33. Москва: ИВИ РАН, 2025. С. 30-55. DOI: 10.32608/2307-8383-2025-33-030-055

P.D. Mikhailova

Russian State University
for the Humanities
ORCID ID 0009-0007-7339-0037
shagenes@bk.ru

ACROBATIC ETUDES WITH THE SPEAR: DEMONSTRATION OF DEXTERITY AND POWER AS INDICATOR OF GENDER AND SOCIAL DOMINANCE IN IRISH SAGAS

Keywords: Irish sagas, Ulster cycle, Cúchulain, masculinity, Irish warriors.

Abstract: The paper examines the narrative and ornamental role of "dexterity techniques" in Irish sagas, particularly of the Ulster Cycle, with a focus on the "Táin Bó Cúailnge." It explores the techniques employed by Cúchulain, one of the central characters in the cycle, in social and gender contexts. This paper systematically examines the techniques themselves and the contexts in which they are employed. The main goal of this work is to explore the correlation between the character's social status and gender (in this case, masculinity) and their military prowess, which is also reflected in their successful and effective use of special combat techniques. The character of Cúchulainn is examined through several lenses of personality characteristics: his supernatural and noble origins, his perception by society as a renowned warrior and a beardless youth, and his sexual activities.

To cite this article: Mikhailova, Polina. "Acrobatic etudes with the spear: demonstration of dexterity and power as indicator of gender and social dominance in Irish Sagas". In Adam & Eve. Gender History Review. № 33, 30-55. Moscow: IGH RAS, 2025. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2025-33-030-055

Ирландская литературная традиция долгое время оставалась устной — однако, скорее, не в том смысле, в котором мы привыкли воспринимать фольклор как жанр, а благодаря институту филидов и его нюансам сохранения литературного наследия. В чем пролегает разница между «фольклором» и «устной традицией», разобраться не так просто.

Хотя этот вопрос обычно не обсуждается исследователями, принципиальное отличие состоит в том, что в случае ирландской устной традиции отсутствие письменной фиксации объясняется запретом на нее. Знание литературного корпуса, саг и песен являлось прерогативой друидов, филидов, бардов — в зависимости от периода — и запись была строго запрещена. Заучивание корпуса текстов было и одним из условий продвижения по карьерной лестнице, и инструментом улучшения памяти, и, собственно, заработка — рассказы о славном прошлом представляли собой один из наиболее популярных, распространенных и доступных способов развлечения. Исходя из текстов преданий, мы можем относительно уверенно говорить и о том, что их труд щедро одаривался, из-за чего со временем требования рассказчиков стали доходить до неподъемных.

Устная традиция подразумевает, что нарративы по разным причинам претерпевали многочисленные изменения. Во-первых, это неизбежные утраты фрагментов текста после многочисленных пересказов. Во-вторых, внесение в повествование «субъективного» со стороны рассказчика — новых поэтических вставок, например, а в случае с эпическими сказаниями — новых витков действия. Третья причина специфична — изобилие символизма, клише, гипербол и абсурда, крайне сложных для восприятия и однозначного толкования. Наконец — поздняя цензура, которой подвергались произведения при переписи ирландскими учеными монахами. Благодаря их труду эти тексты до нас дошли, однако немало из них — в христианской трактовке.

Стоит дать еще немного вводной информации — о гендерной специфике ирландских саг. В мире ранних ирландских саг доминируют мужчины, и сюжеты формируются именно через их действия, агрессию, маскулинность. Именно эта картина мужественности — подчас сильно утрированная — была своего рода отправной точкой также и для формирования репрезентации женственности¹. Однако стоит ли воспринимать именно этот образ как сочетающий все эталонные мужские качества для раннего ирландского социума, и так ли все просто в портрете победоносного воина? Корреляция воинской чести, возраста, мужской силы, происхождения будет последовательно рассмотрена через примеры военных подвигов и приемов, описания положения в социуме, а также через «итог» литературного пути Кухулина. В качестве материала для анализа используются тексты из Уладского цикла саг, самые ранние из которых встречаются в манускриптах XII в. Тем не менее, язык некоторых из саг отсылает нас к более раннему периоду. Традиционно же принято считать, что события Уладского цикла происходят во время жизни Христа. Как отмечает Сара Шихан, в трех сагах этого цикла — «Похищении Стад Фрозха», «Похищении Быка из Куальнге» и «Изгнании Сыновей Уснеха» — дается интересная репрезентация концепта гендера и визуальности в ранних ирландских текстах².

Кухулин — герой-полубог — является одной из наиболее узнаваемых фигур ирландского корпуса текстов, и, хотя в основном именно на базе его многочисленных подвигов и поведения выстраивается портрет эталонной ирландской маскулинности, некоторые из черт его личности достаточно противоречивы. Нельзя с точностью утверждать, что стало причиной наличия

1 Dukes-Knight. 2013: 107.

2 Sheehan. 2013: 95.

взаимопересекающихся и взаимоисключающих характеристик в одном корпусе текстов. В качестве самой простой теории мы можем привести ранее упоминавшуюся многочисленность версий повествования как логичный результат устного сохранения текста. Второй же версией может быть постепенное внедрение в ирландскую архаичную культуру «внешних» учений — различных философских взглядов, теологических идей и иных веяний, уже адаптировавшихся в европейских культурах, но пока непривычных для раннего ирландского общества. Об этом пишет Томас О Кахаса, подмечая очередной парадокс ирландской литературы: будучи созданной для того, чтобы сохранять и передавать ирландскую же идентичность, она содержит идеи и смыслы, не аутентичные для Ирландии³.

По мнению О Кахасы, ирландский миф в целом строится вокруг взаимоотношений людей и богов, и «герой» как неотъемлемый его персонаж представляет собой одновременно и способ изучения этой связи. Герой является медиатором, не относящимся в полной мере ни к людям, ни к богам; он может быть полубожественного происхождения, может иметь сверхъестественные способности и жить среди людей.

Зачастую по своей природе герой обладает одним или несколькими специфичными качествами: примечательной внешностью (выделяющейся красотой и/или, например, сочетанием символических цветов: белого, черного, красного в соответствии оттенках кожи, волос и губ), наличием наложенных на него гейсов (специфических табу), неясной историей происхождения, обладанием специфическими навыками или сверхъестественной силой. Рассуждая об «орнаментальном» сочетании трех цветов и их роли в сюжете, Т.А. Михайлова сомневается в его каузативной природе и функционировании в качестве мотива, поддерживая

3 Ó Cathasaigh. 1978: 72.

версию А.Н. Веселовского об иллюстрации ярких «впечатлений от действительности», выраженных именно в контрастных цветах. Тем не менее, такая внешность, точнее, начало разговора о ней, отсылка к чертам какого-либо из героев в разговоре может являться активацией сюжетного поворота, как это произошло, например, в «Изгнании Сыновей Уснеха»⁴.

Если красота в контексте саг в целом является своеобразным признаком присутствия сверхъестественного (даже у персонажей-людей красота обычно сопровождается наличием магического умения), а прочие характеристики героя только подтверждают его роль, можно ли в целом говорить о том, что условный просто-человек не может стать героем по определению, и его появление как действующего лица всегда изначально предопределено его природой и/или вмешательством сверхъестественных сил, инициирующих магическое зачатие, налагающих гейс и т.д.? Д. Макманус красоту и воинскую доблесть считает главными условиями для становления короля: отсутствие увечий, приятная внешность, отсутствие изъянов становятся параметрами оценки. Интересно и то, что он подчеркивает иступленный восторг у людей, своего рода помрачение как реакцию на обладателей особенно примечательной внешности⁵. Аналогичное сопровождает Кухулина — женщины теряют голову при виде его, и даже его специфический монструозный облик в момент превращения не снижает градус восхищения.

Макманус также подчеркивает героическое рождение и восхитительную внешность как необходимые качества героя. Рассмотрим этапы зачатия и появления Кухулина на свет, согласно саге «Рождение Кухулина»:

4 Михайлова. 2019: 12.

5 McManus. 2009: 63.

1) Конхобар и его сестра Дехтире отправились на охоту на птиц (которые, в свою очередь, практически всегда являются или персонажами иного мира, или ориентирами-указателями на его присутствие в сюжете). Птицы, кроме трех, улетели, а герои отправились искать ночлег;

2) Была найдена небольшая хижина, крытая белыми птичьими перьями. Внутри находились муж и жена, предоставившие им ночлег и пищу. Дехтире отправилась помочь рожавшей в ту ночь жене хозяина.

3) Женщина рождает сына, кобылица при доме рождает двух жеребят. Наутро муж и жена исчезают, как и дом, оставляя сына и жеребят.

4) Дехтире воспитывает ребенка до юношества, затем тот заболевает и умирает, о чем она очень скорбит.

5) Три дня Дехтире отказывается от еды и воды, затем чувствует сильную жажду. Когда пьет, из чашки в ее рот запрыгивает крохотный зверек, после чего она засыпает и видит сон. Неизвестный мужчина говорит ей о том, что он создал птиц и инициировал охоту, создал дом и людей в нем, он же принял облик мальчика, а сейчас стал зверьком, который прыгнул в питье. Он представляется Лугом Длинной Руки, сыном Этлена (одним из главных богов кельтского пантеона), и от него она таким образом зачала. Сына он велит назвать Сетанта.

6) Дехтире беременна, среди уладов споры о том, от кого она зачала. К Дехтире сватается Суалтам, сын Ройга. Она выходит за него, но стыдится своей беременности перед брачной ночью и освобождается от плода.

7) Дехтире соединяется с Суалтамом, рождает ему сына, мальчик рождается величиной с трехлетнего ребенка, его называют Сетанта⁶.

6 Саги об уладах. 2023: 47.

Мальчик был зачат трижды — своими «родителями», также созданными Лугом, Дехтире с помощью маленького зверька, Дехтире — от Суалтама, сына Ройга. Отцов у него тоже, как будто, трое — исчезнувший утром мужчина из маленькой хижины, Луг в образе зверька, Суалтам. В третьем зачатии отцов словно двое — «человеческий» Суалтам и «божественный» Луг. У Дейрдре можно отметить несколько видов материнства: в первый раз она приемная мать, во второй — она беременна, но избавляется от плода, в третий раз — она мать в законном браке.

Помимо необычного зачатия и рождения, в которых фигурирует глубоко символичное для кельтов число три, мы, в подтверждение тезисов Макмануса, а также в продолжение собственных теорий⁷, видим, что Сетанта-Кухулин с детства обладал недетскими физическими качествами; красота появилась в текстах позднее. Это примечательно, потому что описания детей в ирландских сагах в целом как будто проходят мимо читателя. Ребенок вводится как орнаментальный или дополняющий элемент, но его присутствие в тексте не оказывает влияние на сюжет — свою активную позицию в тексте персонаж приобретает в основном только во взрослом возрасте, за исключением, конечно, Кухулина и иных героев.

В описании юношеских деяний Кухулина — отдельной части знаменитого «Похищения Быка из Куальнге» — мы находим описание его самостоятельного пути на поле для игр мальчиков. Досуг во время дороги он проводит за нетипичными детскими развлечениями:

7 Автор придерживается позиции, что тексты ирландских саг строятся по логике цикличности, или этапов, где символизм, выраженный в повторяющихся числах и образах, является способом отсылки к предыдущей логической части текста.

Взял он свою бронзовую палицу для бросков и серебряный шар, свой маленький дротик для метания и детское копье с закаленным на огне острием и, чтобы скоротать путь, принялся играть с ними. Сперва ударом палицы далеко отбрасывал он серебряный шарик, а затем туда же бросал и саму палицу. Метал он свой дротик и копье, играя бросался за ними, поднимал палицу, шарик и дротик и успевал ухватить копье за древко, прежде чем втыкалось оно в землю⁸.

Из этого фрагмента мы можем вынести, что Кухулин умел исполнять данные приемы уже с детства, не будучи еще взрослым воином и не обучившись им в школе. Это его нативное качество, как и ранее упомянутая удивительная физическая сила, которая позволила ему защитить себя от собаки кузнеца Кулана, убить ее и получить свое новое имя — Пес Кулана, или Кухулин. Как раз именно его детские игры привели к столкновению, и именно один из детских первых приемов с мячом стал решающим в его первой битве:

Нечем было мальчику защищаться и тогда с такой силой метнул он свой шар прямо в открытую пасть собаки, что прошиб ее насквозь, выворотив кишки. Потом ухватил он ее за лапы и ударом о камень разорвал в клочья, утаившие землю⁹.

Приведем краткий перечень навыков ирландского героя шести лет: метание шарика и палицы, метание дротика и копья, а также чистое приложение силы. Как кажется, уже на этом этапе он показывает предпочтение приемам метания.

Позднее Кухулин обретает королевские — принадлежавшие ранее Конхобару — щит, меч и два копья. Это дает ему больший простор в выборе способов убийств — уже в семь лет он последовательно и с фантазией расправляется с тремя грозными врагами: Фойлом, сыном Нехта, который неуязвим для острия, лезвия и иного оружия, Туахалом, сыном Нехта,

8 Саги об уладах. 2023: 231.

9 Там же: 235.

также искусно владеющим оружием, Файндле, сыном Нехта, лучшим пловцом. Все они хвалились, будто на свете осталось уладов меньше, чем они уже погубили. Приведем описания приемов ловкости, которые он применял в битвах:

1) Метание шара из железа, деил клисс (deil chliss), в щит и лоб;

2) Метание отравленного копья Конхобара, в щит и сердце последовательно, с отрубанием головы до падения противника;

3) Обхватывание врага с двух сторон руками, с погружением в воду, с отрубанием головы.

После этого, собрав три головы убитых противников — две целые и одну с дырой от брошенного деил клисс, Кухулин с возницей собирается вернуться в Эмайн, но отвлекается на, по сути, сюжетообразующую охоту на птиц — еще не раз они сыграют свою роль в судьбе Кухулина. Маленьким камнем он сбил восемь птиц, большим — шестнадцать. Он сумел также укротить диких и привязать их к колеснице, и в этом эффектном виде — в крови врагов, с отрезанными головами, сбитыми птицами и плененными зверями он возвращается в город, где его встречает Леборхам — фигура неоднозначная, стоящая на границе двух миров.

Уже в этом эпизоде Кухулин, еще будучи ребенком семи лет, воспринимается женщинами Эмайн как взрослый, и, очевидно из их последующих действий, половозрелый воин, чей воинский пыл необходимо погасить во избежание губительных для всех последствий. Трижды по пятьдесят обнаженных женщин выходят ему навстречу, но он отворачивается от них, и тогда его решают остудить в чанах с водой, которых потребовалось также три. Это был, вероятнее всего, завершающий этап его инициации как воина, потому как он переживает трансформацию, впервые приобретая свой специфический,

но все еще не совершенно монструозный облик — он краснеет, количество зрачков в его глазах, как и количество пальцев на руках и ногах, несколько увеличивается, волосы принимают оттенок золота.

Интересно, что здесь мы наблюдаем описание его одежды — зеленого плаща и рубахи с золотым шитьем. Как правило, во всех описаниях зеленый и пурпурный относятся к цветам одежды аристократии, хотя и сложно сказать, есть ли исключения: практически все описания наряда относятся именно к знати или сверхъестественным, но также знатым персонажам.

На этот момент, к исходу семи лет, Кухулин отличается удивительной привязанностью к метанию различных орудий, физической силой и первыми проявлениями своей полубожественной природы. К этому же моменту он виртуозно обходит два гейса (табу): сначала запрет присоединяться к детским королевским играм без разрешения, затем — правило о недопустимости уладам отправляться в путь на плохой колеснице. Как возможно было предположить из ранее описанного, колесницу на прочность и пригодность он также проверяет бросанием камня. Вероятно, сами описания колесниц и приемы, исполняемые на них, берут начало из «Записок о Галльской войне», где Цезарь уделяет внимания навыкам балансирования на едущей колеснице у галлов¹⁰.

Сам прием метания шара в сагах не уникален — даже в повести о детских подвигах Кухулина мы видим явное указание на то, что сто пятьдесят детей, с которыми он встретился на площадке для игр, им владели, и это была старинная полевая игра в Эмайн. Дети бросали мячи в цель или друг другу, занимались борьбой, а также (чем бы это ни было) срыванием одежды друг с друга. У нас нет описаний игр простолюдинов,

¹⁰ Sayers. 1983: 45.

и мы не можем с полной уверенностью утверждать, что знание приемов это в целом прерогатива знати.

Уильям Сэйерс в работе, посвященной приемам доблести, приводит список использовавшихся в тексте терминов, а также самое общее обозначение — *cles*, от которого также создаются и глаголы — *clissim* «я прыгаю, исполняю (прием)», *baile na clessaib* — вероятно, прием стояния на колеснице и далее. Менее частыми являются термины *adabair*, *cluiche* и *reb*. Он также подмечает примечательный факт: слово *clesamnach* является стандартным обозначением для своего рода аниматоров (жонглеров в его интерпретации) времен ранней Ирландии: их профессиональной задачей является исполнение различных приемов ловкости в качестве своеобразного аккомпанемента пению песен или игре в настольные игры у воинов. Этот же термин мы видим и в пассаже про друида Тулхинне в «Разрушении Дома Да Дерга», который одновременно подбрасывает девять мечей, девять щитов и девять яблок — очевидно, в случае с яблоками это должен быть *ubullchless* — «прием с яблоком», который, однако, предполагает обращение со сферическими объектами в принципе. Как считает Сэйерс, если этот термин используется в описании друида — обладающего знанием о боевой магии, но все же не воина — то в его семантическое наполнение мы можем добавить также магию, искусство, уловки -как неотъемлемые атрибуты.

Систематизировав ранние работы о воинской ловкости в «Похищении Быка из Куальнге», Уильям Сэйерс приводит список из двадцати одного приема, описанных в тексте. Не все из упоминавшихся в саге приемов имеют специфическое название, однако по их описанию их возможно приравнять к выделенным.

Это, последовательно, следующие приемы: с мячом, с гранью/кромкой (здесь поднимается вопрос: гранью/кромкой чего? Это может относиться как к мечу, так и к щиту, края

которого также могли затачиваться), с горизонтально удерживаемым щитом, с дротиком, с веревкой, с телом (вероятно, некий прыжок), кошачий, прыжка лосося, бросания ветви (размер варьируется от небольшой веточки до ствола размером с колону), прыжок/кувырок (через какой-то объект, сверху), некий прием «изгиба героя», бросание копья Га Болга, прием скорости, с колесом, прием восьми мужчин или поддержки, прием над-дыханием?, избиение мечом. Военный клич героя, некое «выверенное дуновение», обратный удар и такое упражнение ловкости, как стояние на острие копья, также входят в перечень умений¹¹. Бросание копья Га Болга — уникальный навык, которым владел только Кухулин, что и стало аргументом в битве с Фер Диадом, которая будет рассмотрена далее.

Большинство этих упражнений, как внесенных в списки со своими уникальными названиями, так и просто упоминавшихся в тексте, действительно представляют собой акробатические этюды и что-то, действительно напоминающее собой жонглирование. Герои поигрывают мечами, перекидывая их между пальцами, бросают различные предметы по такой траектории и с таких точек, чтобы те сошлись в полете и упали в одном месте, подбрасывают копья пальцами ног и так далее. В текстах не сказано прямо о том, какая в этом практическая польза: безусловно, описания сражений в ирландских сагах представляются скорее выверенными сценическими постановками с четкой структурой, этапностью и поэтическими вставками, однако такие навыки в основном не относятся к битве как таковой.

С. Шихан, в своей работе «Праздник для глаз: визуальность и желание в Уладском цикле», пишет о «зрелищности» — «specularity» — как чисто мужской черте в ирландской культуре: женская красота ценится и восхваляется, однако

11 Sayers. 1983: 48.

больше внимания уделяется именно описаниям мужских персонажей. Она также ссылается и на интересное замечание Эми Маллиган — знатные герои неестественно красивы, тогда как описание неблагородных персонажей гротескно¹². Из этого, действительно, можно сделать вывод о важности визуальной репрезентации: описание красивого, доблестного, ловкого героя автоматически также сообщает читателю информацию и о его высоком социальном положении, тем самым поясняя и его позицию в тексте.

Не будем забывать, однако, что у многих приемов есть различные векторы приложения — с одинаковым (для Кухулина) успехом шар можно кинуть и в голову человеку, и сбить им птиц, и сломать колесницу. Кроме того, в дальнейшем Кухулин устрашает противников, насаживая головы поверженных врагов на деревянные шесты — вероятнее всего, «приемом» это не является, однако этому предшествует его ловкость в обработке древесины с последующим превращением ее в идеальные гладкие шесты:

Принялся тогда Кухулин очищать шесты, пропуская их между пальцами рук и ног, пока не становились они ровными и чистыми, гладкими и лощеными. Столь гладкими были шесты, что когда отбрасывал их Кухулин и муха б не удержалась на них¹³.

Кажется возможным предположить, что в этом фрагменте деревянные шесты — а изначально просто сучья деревьев — отсылают нас к примитивному оружию железного века, вместе с шарами, камнями и прочими подручными материалами. Здесь Сэйерс развивает мысль Кеннета Джексона — саги Уладского цикла являются «окном в железный век», за которым периодически можно увидеть пейзажи IV, VII и XII

12 Sheehan. 2013: 97.

13 Саги об уладах. 2023: 246.

веков — в зависимости от времени написания очередной версии саги или от фантазии переписчика¹⁴. Конечно, нарративов IV-го века не сохранилось — тексты, описывающие этот период, были составлены на несколько столетий позже.

Перейдем к описанию показательной битвы Кухулина с Фердиадом, упомянутой ранее. Здесь нужно сделать небольшое отступление и дать предысторию их знакомства. В саге «Сватовство к Эмер» Кухулин отправился обучаться боевому мастерству Скатах, чтобы закончить обучение и быть достойным руки Эмер. Он убедил Скатах в своей «профпригодности», сумев в состоянии искажения (Кухулин меняется в росте и размере, обретает монструозный, фомороподобный облик) перепрыгнуть прыжком лососядвигающийся мост, а затем пробив насквозь дверь крепости копьем. Его обучение в крепости Скатах судьбоносно, и оно же во многом показывает его как героя не в лучшем свете, парадоксальным (относительно других его качеств) образом выставляя его агрессивным, несдержанным и жестоким по отношению к женщинам, что будет рассмотрено далее.

Скатах обучила его «всем приемам, что знала сама» — их список приводился ранее, исключение составляет лишь прием с копьем Га Болга. Этим же приемам, очевидно, были научены и другие ее воспитанники, которые также были признаны достойными обучения и способными на подвиг. Среди них, согласно саге, Лугайд и Луан, сыновья Лойха, Фер Баэт, Ларине, Фер Диад, Друст, сын Серба. Мы не знаем их родословной и можем лишь строить предположения на основании имен. Возможно, как и в случае с сотнями других единожды встречающихся в сагах поименованных персонажей, они — представители знати, и упоминание их в тексте является способом увековечить и зафиксировать для последующих поколений. Тогда

14 Sayers. 1983: 50.

это может подтвердить теорию, согласно которой обучение воинскому ремеслу и удивительным приемам ловкости является прерогативой аристократии, хотя здесь для нас встает вопрос о том, на какие социальные слои разделялось раннее общество и не взаимопересекались ли слои воинов и земельной знати.

Битва Кухулина с Фер Диадом — по сути, вынужденная мера и результат манипуляций Медб, желавшей во что бы то ни стало заполучить быка из Куальнге и превзойти тем самым своего мужа. Она отправляет Фер Диада сражаться с его другом и братом по обучению. Некоторые из фрагментов описания их сражения кажутся более поздними вставками. Так, например, перед началом Кухулин встает на колесницу и вокруг него поднимается сверхъестественный крик и гвалт:

В тот же миг взвыли вокруг демоны и оборотни, духи земные и воздушные, ибо тем криком Племена Богини Дану множили трепет, боязнь, содрогание и ужас, что всякий раз внушал Кухулин на поле сражения, в бою, поединке иль схватке¹⁵.

Это интересно по той причине, что ранее мы не видели прямого указания на Племена Богини Дану, их демоническую природу, а также на их помощь Кухулину. Согласно работе Марка Уильямса, это — один из промежуточных этапов в попытке выстроить корректную картину мира Ирландии в условиях развивающегося христианства, в которых не было места «старым богам». Однако не совсем понятно, почему в таком случае корректировке не подвергался образ Кухулина, который в моменты искажения также монструозен.

Из этого мы выводим для себя новый пункт в списке героических характеристик Кухулина — сверхъестественную помощь со стороны представителей Племен Богини Дану, которые в тексте стали демонами или духами. Возможно

15 Саги об уладах. 2023: 290.

предположить, что их «автоматически» проявившаяся поддержка в начале боя говорит о прочной связи между Кухулином и их миром, а его растущая военная слава — скорее, о приближении его гибели, так как пророчество обещало ему краткость земной жизни при вечной памяти о его подвигах у потомков. В какой-то степени это зацикленная последовательность действий — сверхъестественное происхождение дает ему силу, но сам он оказывается обманут филидами; пророчество, которое он использовал в свою пользу, становится началом его пути и одновременно предвещает его гибель; гейсы, полученные в ходе жизни, становятся также причиной его смерти.

Порешили они начать с искуснейших боевых Приемов. Каждый взял в руки изукрашенный щит, восемь охарклес, восемь копий, восемь мечей с костянок рукоятью, да восемь боевых дротиков. Полетели они в обе стороны, словно пчелы в ясный день, и что ни бросок, то прямо в цель. С самого рассвета до полудня обменивались они ударами и немало притупили оружия о шишки и борта щитов. Все ж, сколько ни бились они, никому не удавалось окровавить иль ранить другого, ибо столь же умело отбивали они удары, сколь и наносили их¹⁶.

Данный фрагмент означает, что одновременное владение несколькими единицами оружия было подвластно и Кухулину-полубогу, и его сопернику Фер Диаду, не имевшему сверхъестественного происхождения. По всей видимости, наличие нескольких видов оружия в целом было основной экипировки кельтского воина. Так считает У. Сэйерс, приводя также фрагменты из «Киллук и Оллвен» и описание Персиваля в романе Кретьена де Труа как примеры. Им дополнительно подчеркнуто отсутствие лука в описаниях вооружения воинов, а также в материалах археологических исследований. Как он предполагает, лук представлялся кельтам

16 Там же: 296.

оружием трусливых, так как бой с его помощью велся с безопасного расстояния¹⁷. Интересно в этой связи переосмысление роли «дистанционного» оружия — копье используется повсеместно, и его мечут, хотя расстояния здесь иные.

Примечательно, что сражение происходит в течении нескольких дней, и на каждом этапе герои выбирают какой-то один вид оружия, не используя сразу все. В первый день в битве использовались дротики, копья, мечи и щит, которые метались и отбивались щитами, а после малые метательные орудия были заменены на длинные копья с веревками. Во второй день были использованы тяжелые длинные копья, а бой происходил на колесницах. В третий день они сражались у брода, и, видимо, использовали приемы ближнего, контактного боя.

Кухулин, предвзяря возможное собственное ослабление в битве, просит своего товарища-колесничего подбадривать себя во время сражения:

...если случится мне уступать в сражении, черни, поноси и порочь меня, раздувая мой боевой пыл и ярость. Если же буду брать верх я, хвали, славословь и превозноси меня, чтобы умножить мою храбрость¹⁸.

Можно было бы предположить, что данные слова должны иметь магическое воздействие на Кухулина — однако Лаэг, возникший, просто унижает его достоинство, назвавши его то ребенком, которого пожурила родная мать, то птичкой, на которую напал ястреб, то вовсе «маленьким бешеным оборотнем». Эти слова вызывают в Кухулине ярость, которая, после очередной безрезультатной атаки, приводит к его искажению во время битвы. В этом же состоянии он вступает в последний

17 Sayers. 1983: 73.

18 Саги об уладах. 2023: 301.

этап сражения с Фер Диадом, использовав свой особый прием — метание копья Га Болга пальцами ноги.

Довольно, — сказал Фер Диад, — теперь ты сразил меня насмерть. Воистину грозен удар твоей правой ноги, но и не подобало мне пасть от твоей руки.

В данном тексте мы не находим фрагмента, который объяснял бы последнюю фразу Фер Диада. Пророчество Федельм обещало гибель войску Медб от рук Кухулина. Что, в таком случае, означает «не подобало пасть от твоей руки»? Имеется ли в виду их тесная, почти братская связь, связанная с длительным совместным обучением в школе Скатах, а также их равная воинская доблесть, выраженная в сопоставимой силе и знании приемов?

Как видно, и Кухулин, и Фер Диад были вынуждены вступить в битву. Кухулин был защитником уладов и обязан был отражать атаки на них, а Фер Диаду грозили песни позора, что является унижительным для воина. У Кухулина было его копье Га Болга, а у Фер Диада — сложное многосоставное снаряжение, в котором присутствовал также и камень размером с мельничный жернов. Отличает их сверхъестественное происхождение, которое у Фердиада, по тексту, отсутствует, а также новые, придуманные Кухулином, приемы. Интересно также и то, что в процессе битвы не все доспехи надеваются сразу — мы видим, что и Кухулин, и Фер Диад на разных этапах битвы решают надеть какие-то части комплектов снаряжения:

Не дожидаясь Кухулина, Фер Диад облачился в одежды для боя.... сначала надел передник из шелка... поверх повязал он передник из кожи и привязал к нему камень размером с мельничный жернов ... поверх, опасаясь га булга, надел тяжелый и крепкий железный передник...¹⁹

19 Там же: 300.

Так мы понимаем, что Фер Диад уже знал о наличии у Кухулина в запасе приема с копьём Га Болга, и оно не было для него новинкой.

Тогда облачился Кухулин в одежды для боя, сражения и схватки и проделал высоко в воздухе немало чудесных, блистательных боевых приемов, которым прежде не обучался у Скатах, Уатах и Айфе²⁰.

Однако новые приемы Кухулина поразили Фер Диада, «...понял, что в должный час обратятся они против него».

Перевес в битве произошел тогда, когда Кухулин преобразился, использовал новые приемы ловкости и последовательно нанес удар Га Болга. Перевес здесь частично объясняется участием сверхъестественного — чудесным оружием Га Болга и его способностью обращаться. Третья часть успеха приходится на новые приемы ловкости. По умолчанию же Кухулин с Фер Диадом по силе равны.

Женское влияние присутствует на разных этапах жизни и формирования судьбы Кухулина. Сначала его чудесное рождение, затем — сватовство к Эмер, после — грубо отвергнутая Домнолла, наведшая морок на его отряд, странные связи то с Уатах, то с Айфе, затем — Медб и ее козни, стоившие жизни друга, после — пророчица Леборхам и богиня смерти Бодб, принявшая облик Ниям, дочери Келтхара, которые и вынудили его вступить в последний для него бой. Многих уладских женщин он оскорбил словом или действием — однако те все равно его оплакивали (хотя кто-то и с умыслом, вкладывая в это действие проклятие).

Перед решающей битвой Кухулин нарушает свои табу, отдавая мясо собаки (своего тезки). Отказаться он не мог — другой его гейс запрещал ему отказываться от пищи с любого очага. Левое бедро и левая его рука потеряли силу после

20 Там же: 301.

нарушения. Трижды ему угрожают певцы песней поношения — трижды он своеобразно выполняет их просьбу, одновременно убивая и их, и девятерых воинов; в третьей схватке — трижды девять. Все это он осуществляет броском копья. От копья же он и умирает, до того потеряв возничего и коня. Для ирландской традиции число девять также символично, и представляет собой число-знак завершенности, оформленности действия. Видимо, как «завершающее» оно и используется в саге про смерть Кухулина.

Сложно вывести из всего ранее перечисленного, что именно означает боевая слава в контексте гендерной репрезентации Кухулина — несмотря на успехи в защите уладов, он, как подчеркивает Дженнифер Дьюкс-Найт, остается амбивалентным в сексуальном плане (однако, например, сага «Пир Брикрена» переворачивает это представление, вводя эпизод с пятьюдесятью девушками). Мы помним эпизод, когда семилетнего Кухулина встречали обнаженные уладские женщины, а он закрывал глаза, чтобы их не видеть. Сага не объясняет этой детали — мы знаем, например, что прикрывание щек со стороны женщины могло бы означать что-то вроде стыдливости, защиты чести. Закрывание лица со стороны Кухулина могло означать как детское желание не видеть наготы, попытки создать для себя комфортную темноту, так и нежелание воина растерять остатки «боевого жара». Исходя, однако, из эпизода, в котором Кухулин сидит на коленях у Конхобара, своего дяди, как простой ребенок, первая интерпретация представляется более логичной. Забавно-уместным кажется то, что и Лоэг, возница Кухулина, дразнит его во время битвы, сравнивая с ребенком, которого наказала собственная мать, а также то, что в описаниях самих схваток Кухулина «отбрасывают, как ребенка», несмотря на недетские удары:

...Снова прыгнул тут Кухулин со своего края брода прямо на шишку щита Фер Диада, задумав срубить ему голову над верхней кромкой щита. Ударил Фер Диад по щиту левым коленом, и словно ребенка отбросил Кухулина к его краю брода²¹.

В тексте в целом неоднократно делаются указания на незрелость Кухулина — Медб, например, говорит про его возраст «aes ingini macdach» что можно бы перевести как «возраст де-вушки на выданье» (довольно юный). Кроме того, подчеркивается отсутствие у него бороды как признака мужественности и зрелости, одного из главных атрибутов состоявшегося воина. Так мы видим в персонаже Кухулина парадокс — по сути, вечно юный, но уже известный воин²². Дженнифер Дьюкс-Найт подчеркивает — он прославился как воин, однако, по сути, реалии «мужской» взрослой жизни прошли мимо него: он не опустил бороды, не показал высокой половой активности, в противовес тому же Фергусу, не оставил после себя потомков (в том числе и по причине убийства им же своего сына).

Анализ сцен сражений с использованием приемов дает нам возможность прийти к нескольким выводам:

1) Приемы ловкости являются обязательным элементом перед битвой; это и разминка, и своего рода ритуальное воздействие на противника, провокация к его ответным действиям;

2) Знание приемов является прерогативой знатных; мы не находим в ирландских сагах упоминаний о том, чтобы простолюдины овладевали особыми навыками боя — их участие в битвах обычно ограничивается словами о том, что «пало» или «пострадало» N-число простых людей. Это подтверждается также описаниями внешнего вида персонажей — в их

21 Там же: 301.

22 Dukes-Knight. 2013: 117.

одежде фигурируют зеленые или бордовые плащи, туники с золотым шитьем, их оружие богато украшено.

3) Сверхъестественная природа персонажа не дает ему автоматической форы в использовании приемов;

4) Мы не видим описаний ухода с поля сражения — значит, из битвы персонаж может выйти или победителем, или погибнуть, сохранив воинскую честь;

5) Использование более крепкого, многослойного снаряжения в контексте саги обычно означает переход к новому этапу битвы, с более жестокими и изощренными приемами;

6) Персонажи могут выбирать, с помощью каких орудий будут выполнять приемы; обычно бой начинается с дистанции.

С Кухулином же все непросто. Считаясь практически эталонным героем ирландских саг, он, тем не менее, разрушает шаблон идеального воина и идеала маскулинности. На протяжении всего цикла неоднократно подчеркивается его зависимость от сверхъестественного вмешательства в судьбу, его неизменная юность, неформатность, которая язвительно подчеркивается врагами одновременно же с восхищением его силой.

Автор придерживается точки зрения, что, осознанно или неосознанно, герой и его судьба формируются сверхъестественным миром, миром Племен Богини Дану, которые последовательно меняют свой статус, то являясь главными богами, то уходя в тень холмов как изгнанные высшие существа, то котируясь как «нейтральные ангелы», а то — как демоны и духи²³. В разных текстах цикла мы также наблюдаем развитие этих идей, часто противоречащих друг другу и выглядящих неаккуратными поздними вставками. В случае с Кухулином, он, как герой, был создан Лугом. Его тройное зачатие может

²³ Уильямс. 2024: 131.

отсылать нас также и к мотиву долгой беременности, нарочно продлеваемой для того, чтобы родился сильный ребенок с удивительной судьбой — так был рожден Конхобар, чья мать, Несс, удерживала его в себе в течении дня, чтобы тот родился в счастливый для него час, определенный друидом Катбадом. Его «искажение» как навык, данный ему по праву сверхъестественного рождения, позволяет ему поступить на учебу к Скатах и освоить приемы. Его превосходство, подаренное ему сверхъестественной природой, также позволяет ему стать достойным дара от Скатах — копья Га Болга, которое является решающим аргументом битв. Его гейсы — в целом сверхъестественной природы, и, по мнению автора, однажды наложенный гейс так или иначе будет нарушен, потому что это — часть пути и часть судьбы; нет вечного героя, у его истории должен быть логичный финал.

Можем ли считать, что знание приемов означает автоматическое гендерное и социальное превосходство? Социальное превосходство можно отметить наверняка — как было отмечено ранее, овладение особыми воинскими навыками было прерогативой знати. Этот вывод также подтверждают и описания приятной внешности у героев. С гендерным вопросом все сложнее: для Фер Диада, вынужденного сражаться на стороне Медб, успешный исход битвы принес бы брак с королевской дочерью, однако в случае Кухулина мы сталкиваемся с дилеммой. Возможно ли назвать реализованным (конечно, в контексте ирландских саг) победоносного, но безбородого, без явных маскулинных признаков, юношу? Для автора этот вопрос остается открытым, что, возможно, и было целью со-
ставителей цикла.

Список источников и литературы

Михайлова. 2019 — Михайлова Т.А. "Кровь на снегу", "волшебная родинка" и "любовный напиток": роль "детали" в структуре архетипического нарратива // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. №5. С. 9-23

Уильямс. 2024 — Уильямс М. Ирландские мифы: от племен Богини Дану и Кром Круаха до «Кельтских сумерек» и Самайна. М.: Миф, 2024.

Саги об уладах. 2023 — Саги об уладах / пер. и комм. Шкунаев С.В., Николаева Н.А., Михайлова Т.А. М.: Альма-Матер, 2023.

Dukes-Knight. 2013 — Dukes-Knight, J. The Wooden Sword: Age and Masculinity in 'Táin Bó Cúailnge' // Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium. 2013. Vol. 33. P. 107-22.

McManus. 2009 — McManus D. Good-Looking and Irresistible: The Hero from Early Irish Saga to Classical Poetry // Ériu. 2009. Vol. 59. P. 57-109.

Ó Cathasaigh. 1978 — Ó Cathasaigh T. Between God and Man: The Hero of Irish Tradition // The Crane Bag. 1978. Vol. 2. No. 1/2. P. 72-79.

Sayers. 1983 — Sayers W. Martial Feats in the Old Irish Ulster Cycle // The Canadian Journal of Irish Studies. 1983. Vol. 9. No. 1. P. 45-80.

Sheehan. 2013 — Sheehan S. Feasts for the Eyes: Visuality and Desire in the Ulster Cycle // Constructing Gender in Medieval Ireland/ ed. by Sheehan S., Dooley, A. N.Y.: Palgrave Macmillan US, 2013. P. 95-113.

REFERENCES

Dukes-Knight, Jennifer. "The Wooden Sword: Age and Masculinity in 'Táin Bó Cúailnge.'" *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium* 33 (2013): 107-22.

Mikhailova, Tatiana. "Blood on the Snow", "the Magic Birthmark" and "the Potion of Love": the Role of the Detail in the Structure of an Archetypal narrative // *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology* 5 (2019): 9-23 (In Russian).

McManus, Damian. "Good-Looking and Irresistible: The Hero from Early Irish Saga to Classical Poetry." *Ériu* 59 (2009): 57-109.

Ó Cathasaigh, Tomas. "Between God and Man: The Hero of Irish Tradition." *The Crane Bag* 2, no. 1/2 (1978): 72-79.

Sayers, William. "Martial Feats in the Old Irish Ulster Cycle." *The Canadian Journal of Irish Studies* 9, no. 1 (1983): 45–80.

Williams, Mark. *Ireland's Immortals. A History of the Gods of Irish Myth*. Princeton: Princeton University Press, 2016.

Sheehan, Sarah. Feasts for the Eyes: Visuality and Desire in the Ulster Cycle. In *Constructing Gender in Medieval Ireland*, ed. by Sarah Sheehan and Ann Dooley, 95–113. New York: Palgrave Macmillan US, 2013.